

Артюхов Андрей Иванович

Краснодарский государственный институт культуры
(e-mail: semiotike@rambler.ru)

Калиоропуло Евгений Владимирович

Краснодарский государственный институт культуры
(e-mail: kalio@gmail.com)

Человек и интенция сверхчеловека

В неклассической философии XIX–XX вв. актуальными были мировоззренческие проблемы, связанные со смысло-жизненным поиском, переоценкой сущности и существования человека. В русской и зарубежной философии жизни и существования обсуждались проблемы нового мировоззрения, новой религии. Значительный удельный вес занимала мировоззренческая интенция к сверхчеловеку, богочеловечеству, всеединству. В статье рассматривается мировоззренческая революция в русской философии на смене веков, проводится сравнение с соответствующими идейными мотивами европейской философии жизни и существования.

Ключевые слова: неклассическая философия, русская религиозная философия, «философия жизни», экзистенциализм, мировоззренческая революция.

A.I. Artyukhov, Krasnodar State Institute of Culture; e-mail: semiotike@rambler.ru;

E.V. Kalioropulo, Krasnodar State Institute of Culture; e-mail: kalio@gmail.com

Person and intension of the superman

In nonclassical philosophy of the XIX–XX centuries the world outlook problems connected with the search of life sense, reevaluation of essence and existence of the person were urgent. In the Russian and foreign philosophy of life and existence problems of new outlook, new religion were discussed. Considerable specific weight was occupied by world outlook intension to the superman, a God-Mankind, a unitotality. World outlook revolution in the Russian philosophy on change of centuries is considered and it is compared to the corresponding ideological motives of the European philosophy of life and existence.

Key words: nonclassical philosophy, Russian religious philosophy, «life philosophy», existentialism, world outlook revolution.

Проблема предназначения человека кардинально сформулирована в русской религиозной философии, «философии жизни» и экзистенциализме. Она подверглась рассмотрению представителями этих философских течений в контексте положения человека в мире в целом, с учетом его смертности и бессмертия. Она привлекала внимание отечественных мыслителей Серебряного века Вл.С. Соловьева, И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Е. Трубецкого, Н.Ф. Федорова, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева в контексте обсуждения проблем сверхчеловека, всеединства, назначения человека, взаимоотношений личности и общества.

Материалом исследования стали труды представителей традиционной отечественной философии, представителей «философии жизни» (Ницше), экзистенциалистов, а также работы отечественных и зарубежных философов по этой теме.

Теоретической основой избраны работы основных представителей русской религиозной философии (И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев и др.), философии жизни (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр), экзистенциализ-

ма (Ж.-П. Сартр, А. Камю), а также писателей и мыслителей, концептуально близких к проблематике философии жизни и экзистенциализма. Основными методами являются: проблемно-логический и сравнительный анализ идей отечественных, немецких и французских философов в социокультурном контексте XIX–XX вв.

Традиционная русская философия является философией жизни, и главной ее целью является поиск «правды жизни». Она бытийна и экзистенциальна по своей сущности. Поэтому она близка к литературе и к аналогичной тенденции в западной философии, развиваемой «философией жизни», экзистенциализмом и даже постмодернизмом.

«Философия жизни» в качестве основного субъекта-креатора рассматривает элитарного индивида особого рода: альянс интенций дионисийского начала и свободного волевого покорения обстоятельству и «общепринятых» правил жизни и создания нового мира по собственным меркам [1, с. 234]. Воля к жизни и воля к власти первична в жизненной интенции. Поиск порядка и смысла в жизни – удел слабого, так как он верит в предустановлен-

ный порядок. Для аристократа духа и рыцаря воли сложившийся порядок лишь материал, сверхчеловек сам создает правила для себя. Тема предназначения человека в этом случае разыгрывается как самопоиск индивидом собственных волевых интенций. Но с точки зрения внешней аналитической рефлексии вывод получается такой: назначение человека – быть орудием реализации «воли» – «воли к жизни», «воли к господству», «воли к покорению» мира.

В экзистенциализме человек – это тревога, он заброшен в мир, его состояние – это отчаяние. Несмотря на то, что он высшая ценность и вершина всего, он конституирован как посторонний и одинокий индивид в чуждом для него мире. Ж.-П. Сартр пишет об этом так: «Говоря о “заброшенности”... мы хотим сказать только то, что бога нет и что отсюда необходимо сделать все выводы. ...Достоевский как-то писал, что “если бога нет, то все дозволено”. Это – исходный пункт экзистенциализма. В самом деле, все дозволено, если бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне» [2].

Для традиционной русской философии одиночество человека является результатом утраты им смысла жизни (грехопадения), а обретение смысла бытия возвращает его в соборность. Для Декарта, Ницше «Я» первично, а для экзистенциалиста Сартра человек бытийно изначально одинок, однако при этом он нагружен абсолютной ответственностью. Одиночество сущностно заключается в том, что свой выбор индивид не может возложить на другого [3].

Нам представляется, что в этом случае можно зафиксировать логическую непоследовательность в посылках экзистенциализма. «Одиночество как обреченность на выбор» означает отсутствие одиночества, так как изначально индивид положен как социально определенное существо, включенное в моральный, т.е. социальный выбор. Поэтому мы в этом случае считаем более последовательной позицию Н.А. Бердяева, согласно которой одиночество производно от социального бытия человека.

Принципы русской религиозной философии иные. Для В.С. Соловьева, И.А. Ильина человек изначально нравственен и погружен в мир нравственных законов, поступков, ответственности, заданной Богом и Писанием. Это твердь Бытия. В противоположность этому западноевропейская экзистенциалистская модель скроена на изначально эгоистических принципах. Для социального атома Библия перестала быть общепризнанным текстом культуры, стал открытым вопрос об идентичности человека.

Социально-мировоззренчески эта ситуация явилась результатом кризиса западной рацио-

нальности, который проявил себя как последствие Первой, а потом и Второй мировых войн. Линейный образ прогресса потерпел фиаско, и ему на смену пришел протест против общепринятых норм морали [4]. На смену общепринятому «идеалу» пришел принцип индивидуального позиционирования и самоутверждения в протестной форме: идентификация через бунт [5, с. 128]. Как справедливо подчеркивает А.Л. Панищев, успешная идентификация индивида через противопоставление себя ценностям общности приводит к конституированию отчужденного эгоиста как нормы [6, с. 27]. Философия экзистенциализма выросла как форма гуманитарной идеологии, которая культивировала эгоистический, индивидуалистический героизм личности XX в. как норму. Однако успеха в этом направлении ждать невозможно, так как смысл бытия невыводим из посылок абсолютного индивидуализма. Само понятие сущности человека теряется на этом пути.

В отличие от Западного проекта, проект русской отечественной философии базируется на признании нравственной сущности человека и на том, что отношение человека к Богу глубоко нравственное (В.С. Соловьев, И.А. Ильин, С. Франк) и творческое (А.Н. Бердяев) состояние. И.А. Ильин акцентирует внимание на том, что именно нравственное сознание служит источником осознания личностью своей духовной уникальности и духовной сущности «я» [7, с. 131]. Духовное самочувствие человека Ильин связывает с постоянной работой человека над собой, совершенствованием. Первичным, однако, для него является не мнение окружающих, а осознание своего собственного духовного достоинства [7, с. 325]. Осознание себя как абсолютной самоценности является, по Ильину, основой для высоконравственной позиции. Оно создает точку отсчета для стремления к абсолютному совершенству. Но идеал не осознаваем в мире материальных предметов, его можно постигнуть лишь на пути духовного самопознания. Противоречие духовных идеалов и невозможности их телесного воплощения является основным в существовании личности. В этой системе дилемма «высокое – низменное» созвучна дилемме «духовное – материальное», и обе они являются инобытием другой сущностной дилеммы – «бессмертное – смертное».

Смертность человека с особой остротой позволяет осознать его чуждость, посторонность физическому миру. Человек предназначен для духовного мира, но в физическом вещном мире он способен предать свои идеалы. Жизнь по естественным законам не совпадает и даже находится в противоречии с миром морали, что хорошо продемонстрировано И. Кантом в учении о двух мирах. Несовершенство чело-

века заключено в этой его раздвоенности, ибо смысл бытия для него существует лишь в духовном мире и отсутствует в естественном.

Эта абсурдность бытия зафиксирована и представителями экзистенциализма [5, с. 24–25]. Дуальность природы человека составляет реальную антиномию ее трагического бытия. В экзистенциализме признание абсурдности бытия закрывает, как правило, позитивное решение вопроса о смысле жизни. В русской религиозной философии позитивный ответ заключен в трансцендировании: смерть для духа оказывается не завершением, а переходом в иную, духовную, высшую форму бытия [7, с. 586].

И.И. Евлампиев рассматривает сходство идейных мотивов в творчестве Ф.М. Достоевского и Ф. Ницше [8]. Он демонстрирует, что творчество Достоевского и критицизм Ницше суть стремления к мировоззренческой революции в христианстве. Основной пафос неклассических идей заключается в придании нового смысла истинному христианству: Христос трактуется как идеальный, совершенный человек, а Бог – как внутреннее содержание человеческой личности, подвигающее ее на стремление к совершенству.

В XIX в. происходила не только смена философской парадигмы от классической к неклассической, но и переоценка ценностей в культуре, религии. Ф. Достоевский, Ф. Ницше и другие мыслители вели поиск «истинного христианства». Контрапунктом этих духовных исканий были «Бог», «Мир (Универсум)», а главное – отношение Бога и Универсума. Как хорошо подчеркивает Евлампиев, на смену традиционно-догматическому христианству, в котором Бог трансцендентен, а человек дистанцирован от него фактом греха, шло духовное христианство, стремившееся к единству человеческой духовности и божественности. Принципы нового мировоззрения снимали жесткое онтологическое разделение божественного и человеческого бытия и давали мировоззренческую возможность человеку обновиться, войти в Царство Божье.

Сами по себе эти две традиции постоянно существовали в лоне развития христианства и являлись необходимым условием его развития, так как любая культурная система для своего развития требует минимум два вида языков-кодов [9, с. 258], два вида оппозитивных норм и ценностей. Это объясняется тем, что противоречие и борьба двух тенденций создает информационную избыточность и предуготовленность к будущим вызовам и позволяет вырабатывать вариативные адаптивные механизмы. Развитие может происходить как взрыв, а может складываться для социума более продуктивно, эволюционно, когда в социуме не нарушается социальное единство, а развивается

межкультурный [10, с. 299] и межличностный диалог [11, с. 318].

По-видимому, можно даже говорить о такой закономерности: наличие внутри социума нескольких видов кодов (минимум трех) и полилога между ними позволяет социуму развиваться эволюционно и эффективно. Русская культура (не только она) развивается бинарно, со взрывами, отрицанием прошлого, мессианизмом и апокалиптичностью как доминантами будущего. Западноевропейская культура иногда устроена как тернарная и в этих случаях предпочитала сохранение преемственности, эволюционизм. Задача российской культуры в эпоху глобализации видится Лотманом как переход с бинарной на тернарную структуру.

В философии неклассических мыслителей можно видеть не отрицание христианства как такового, а отрицание догматической церковной традиции во имя духовного христианства, которое понималось неклассическими мыслителями как истинное христианство [8]. Явно и откровенно эту традицию непосредственного интуитивно-мистического отношения к Богу развивает Ф.М. Достоевский. В его мировоззрении отсутствуют понятия первородного греха, искупления и спасения. Вместо принципа потусторонней или трансцендентной реальности доминирует принцип посюсторонней реальности, в которой Христос – это совершенный человек в земном бытии, что исследователи подтверждают ссылками на многие дневниковые записи писателя. В набросках к «Дневнику писателя» 1877 г. мы находим следующее принципиальное положение, продолжающее и конкретизирующее предыдущие: «Христианство является доказательством того, что в человеке может вместиться Бог» [12, с. 228]. Достижение этого идеала, восшествие к нему рассматривается как назначение отдельного человека, так и всей истории. Окончательный синтез человеческого бытия будет назван Богом или Раем, и этот всеобщий синтез впоследствии получит в традиционной русской философии Вл.С. Соловьева обозначение как Всеединство и Богочеловечество. Христос – внутренний идеал-предназначение, а Бог – чистый идеал и общее предназначение, имманентное самому человеку.

Исследователи мотивированно утверждают, что подобный мотив присущ и философии Ф. Ницше, как одного из главных родоначальников неклассической философии. Интересно отметить, что первым наброскам «Антихриста» Ф. Ницше предшествуют конспекты «Бесов» Ф. Достоевского, история Кириллова. Поиск истинного христианства он ведет по рекомендациям Достоевского. Понятия «антихрист», «сверхчеловек» и «вечное возвращение» также навеяны трудами Достоевского, они являются

концептами посюсторонней, интуитивно-мистической концепции христианства в рамках неклассической философии. «Сверхчеловек» может быть интерпретирован по-разному: как носитель идеи, воли, цели, как креатор. Земной Бог и Сверхчеловек оказываются тождественными концептами метафизики неклассической философии.

На рубеже XIX–XX вв. проблема сверхчеловека приобрела популярность в Европе и России. Особую популярность этой теме в среде российской интеллигенции придавало ее созвучие с идеями Вл.С. Соловьева. В европейской традиции этот образ встречается у Гете. Л.Н. Толстой за образом «свехчеловека» в европейской культуре видел победу идеалов зла в образах Нерона, С. Раина, Чингисхана, Наполеона. Основной поворот в культуре писатель рассматривал как замещение принципов морали принципами красоты и наслаждения, что расценивалось им как симптом краха западной цивилизации.

Н.Ф. Федоров в контексте идей «общего дела» и воскрешения всех умерших квалифицировал идеи Ницше как препятствие на этом пути, молодое же поколение русских философов-неоидеалистов (Д. Мережковский, Н. Бердяев и др.) видело в философии Ницше и идее сверхчеловека вершину европейской мысли, шаг на пути к абсолютным ценностям новой религии, к образам абсолютного духовного совершенства познания и красоты.

Особую популярность ницшеанство получило в среде российской художественной интеллигенции. Сверхчеловек органично вписался в контекст русского символизма, в дискурсы и образы «эстетического освобождения», «духовного раскрепощения», в интенции культуры будущего, романтические образы М. Горького. Эмоционально раскрепощенный, свободный, демонический тип красоты ницшеанского сверхчеловека стал воспеваться в поэзии русских декадентов З. Гиппиус, Ф. Сологуба, Н. Минского.

Российский культурный контекст эпохи Серебряного века наполнился многими концептами и коннотациями, созвучными или ассоциативно связанными с терминологическим гнездом по имени «сверхчеловек»: «богочеловек», «соборное человечество», «грядущий человек», «совершенный человек» и др. Как справедливо подчеркивает Ю.В. Синеокая, «...В сознании русских интеллектуалов путь к сверхчеловеку... понятие “сверхчеловек” трансформировалось в идею совершенствования человека» [13].

В. Соловьев и Ф. Ницше различно трактовали проблему жизни и бессмертия. Философия Соловьева оптимистична в отношении личного бессмертия, воскрешения, а Ницше рассматривает бесконечность как вечное возвраще-

ние. Напомним, что философия и первого, и второго мыслителя имела в некоторой степени мистический характер. В обеих философских системах безусловной ценностью признается человеческая личность, индивидуальность, а ее назначением считается достижение наиболее полного совершенствования человека и культуры: у Ницше – это увеличение жизненной творческой энергии индивидуума, у Соловьева – восхождение к богочеловечеству. Обретение бессмертия в концепции Соловьева доступно лишь преображенному человечеству, которое приблизится к абсолютной жизни, реализующей единство Истины, Добра и Красоты. Бессмертие проявляется как атрибут лишь абсолютного, самодовлеющего содержания индивидуальности.

Основной принцип учения Ницше о сверхчеловеке – это закон вечного повторения, возвращения всего существующего к исходному. Так же как и Соловьев, немецкий философ создает принцип жизненного predeterminedения не для обывателя, а для творца. Принципы Ницше предназначены для сильной личности, преодолевшей проклятие и страх бесконечности и способной к волевому творчеству, созданию новых ценностей. Сверхчеловек сам создает себя, новую жизнь и принципы новой жизни. Прежде всего, надо найти удовлетворение в себе самом, стать самим собою. Все это является реализацией интенции к бесконечности. Ницше вместо веры в Бога предлагает стремление к сверхчеловеку. Ницше предлагает не внешний, трансцендентный, а имманентный идеал гения. Традиционное же христианство объявляется им ложью о воскресшем Иисусе. И эта его духовная интенция в определенных идеологических формах стремилась к воплощению в социальную реальность.

Учения Соловьева и Ницше направлены на реализацию богочеловека, сверхчеловека, однако между собой они несовместимы. Ницшеанский сверхчеловек для Соловьева есть антихрист, сатанизм. Вл.С. Соловьев и Ф. Ницше стремились превратить философию в философию жизни. Их интенция жизненного мира характеризуется личностной ориентированностью, элементами мистики и иррационализма. Оба создают некую философскую мифологию сверхчеловека. Ницше – на пути индивидуализма, жизненной силы, волевой интенции и самоконструирования. Соловьев стремился к этической проповеди, единству Истины, Добра и Красоты, Софийности, к трансцендентному богочеловеческому устремлению человечества и личности.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Неклассические философско-мировоззренческие идеи развивались в Европе XIX–XX вв.

в философской, религиозной, литературно-художественной форме. Контрапунктом этих идейных поисков было переосмысление мировоззренческих концептов «человек», «Бог», «Мир» и основной мировоззренческой интенции – «отношения Мира и Бога». Переоценка концептов и ценностей осуществлялась методом реинтерпретации, нового истолкования христианской парадигмы. Основные направления реинтерпретации: 1) человек как новый человек, богочеловек, сверхчеловек; 2) обмирщение трансцендентальных идеалов, ценностей как богочеловечество на Земле; 3) новые решения проблемы «смерть-бессмертие»; 4) переход философского дискурса с номенклатуры категорий на номенклатуру экзистенциалов.

Мировоззренческая революция касалась, прежде всего, состояния умов интеллигенции – писателей, поэтов, философов, ученых и пр. Хотим отметить, что «философия жизни» зна-

чительно повлияла на состояние умов интеллигенции, на идеологический процесс последующих десятилетий, когда христианские идеалы и ценности в одежде социализма, коммунизма и других идеологий интенсивно стремились к своему жизненному обмирщению. Философия жизни и сверхчеловека, нового человека нашла воплощение в духе индустриализма, модернизации, геополитических покорений и в проектах создания нового человека, расы, мира. Экзистенциализм также поддерживает эту традицию. Однако у него возникают проблемы с обоснованием позитивной интенции человеческой жизни. Формируются сциентистский и антисциентистский типы интеллигентской мировоззренческой культуры. В гуманитарной культуре развивается иррационализация, обоснование абсурдности жизни, обесценивание истины, добра и красоты как идеалов. Эта тенденция продолжается в постмодернизме.

1. Данто Артур. Ницше как философ / пер. с англ. А. Лавровой. М., 2001.

2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / пер. М. Грецкого. М., 2006. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/98315/Sartr_-_Ekzistencializm_-_eto_gumanizm.html

3. Кучинин С., Багрова Е.В. Экзистенциализм, проблема человека и его одиночество в экзистенциализме. URL: <http://gisap.eu/ru/node/51487>

4. Дубнов А.П. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества (общедоступное введение) // Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1 / пер. Н.Ф. Гарелина.

5. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

6. Панищев А.Л. Отвергнутый человек в экзистенциализме и посторонний человек в русской религиозной философии // Фундаментальные исследования. 2004. № 3.

7. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2002.

8. Евлампиев И.И. «Посюсторонняя» религиозность Ф. Достоевского и Ф. Ницше (К вопросу о религиозном содержании неклассической философии) // Вопросы философии. 2013. № 7. URL: http://vphil.ru/index.php?id=782&option=com_content&task=view

9. Лотман М.Ю. Культура и взрыв.

10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

12. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1971–1990. Т. XXV.

13. Синеокая Ю.В. Проблема сверхчеловека у Владимира Соловьева и Фридриха Ницше. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/64090/>

1. Danto Artur. Nietzsche as philosopher / transl. from English by A. Lavrova. Moscow, 2001.

2. Sartre J.-P. Existentialism is a humanity / transl. by M. Gretskey. Moscow, 2006. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/98315/Sartr_-_Ekzistencializm_-_eto_gumanizm.html

3. Kuchinin S., Bagrova E.V. Existentialism, a problem of the person and his loneliness in existentialism. URL: <http://gisap.eu/ru/node/51487>

4. Dubnov A.P. «Falling of the West» and global problems of mankind (public introduction) // Spengler O. Sunset of Europe. Image and reality. Vol. 1 / transl. by N.F. Garelin.

5. Camus A. The revolting person. Moscow, 1990.

6. Panishchev A.L. The rejected person in existentialism and the stranger in the Russian religious philosophy // Basic researches. 2004. № 3.

7. Ilyin I.A. Axioms of religious experience. Moscow, 2002.

8. Evlampiyev I.I. F. Dostoyevsky and F. Nietzsche's «immanent» religiousness (To a question of the religious maintenance of nonclassical philosophy) // Philosophy questions. 2013. № 7. URL: http://vphil.ru/index.php?id=782&option=com_content&task=view

9. Lotman M.Yu. Culture and explosion.

10. Bakhtin M.M. Problems of poetics of Dostoyevsky. Moscow, 1979.

11. Bakhtin M.M. Esthetics of verbal creativity. Moscow, 1979.

12. Dostoyevsky F.M. Complete coll. of works: in 30 vol. Leningrad, 1971–1990. Vol. XXV.

13. Sineokaya Yu.V. Vladimir Solovyov and Friedrich Nietzsche problem of the superman. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/64090/>